

~~Однажды в Омске Н.И. дружил с Сухариком~~

238

дорогой Иосиф Виссарионович!

Пишу Вам по следующему поводу. Будучи в день похорон С.М. Кирова на Красной площади, я случайно наблюдала такую мимолетную сцену.

Каменев, этот омерзительнейший гад, здоровается с Т.Мдивани и в этот момент на лице его (Каменева) испыхивает улыбка совершенно неприкрытою злорадства, моментально исчагшая, когда он увидел, что я смотрю на него. (Я лично даже в период его "искаяний" не считала для себя возможным здороваться с этим мерзавцем. Но игра его лица меня поразила. Конечно, тогда мне и в голову не приходило, что он был одним из направивших руку убийцы. Но ясно чувствовалось, что смерть Т.Кирова не печалит его. И это так дистармонировало с настроением всех присутствовавших на площади! Теперь у меня снова всталася эта немая сцена перед глазами. Конечно, это лишь крошечный штрих по сравнению с тем, что вскрыто следствием и на суде.)

Меня беспокоит другое: я не видела лица собеседника К. Мдивани, к которому была обращена эта улыбка т.к. он стоял ко мне спиной. Но невольно навертывается мысль: разве могла вспыхнуть эта улыбка злорадства, если бы за этим не спряталася надежда встретить какую то реакцию сочувствия? Повторяю, я не видела лица собеседника, я видела только обращение к нему красноречивую улыбку (и это было замечено - можно было подумать). Я совершенно не знаю т.Мдивани, за исключением самого общего политического облика, мне никогда в

жизни не приходилось разговаривать с ним. Возможно, что К. ошибался, думая встретить в нем какой то отклик, как в бывшем уклонисте. Возможно, что М. давно заслуживает полного доверия. И дело это слишком серьезное. Я сообщаю Вам только то, что я видела, и сообщаю именно Вам.

Вы знаете М. Вы сможете установить меру веcей. Повторяю, эта сцена встала у меня перед глазами, и я не могла не сообщить о ней. Я, конечно, не имею никакого представления о том, соприкасаетесь ли Вы теперь с Мдивани лично... Но перед раскрывшимися фактами чего не передумашь; м.б., он бывает у Вас запросто. Словом, не написать Вам я не могла.

Если все это покажется Вам не имеющим значения, Вы отругаете меня, как следует.

Естественно, Вы спросите меня, почему я говорю о Мдивани, а не о Н.И.Бухарине.

Я всецело присоединяюсь к постановлению Прокурора о строжайшем расследовании, поскольку в зале суда было брошено тягчайшее обвинение и поскольку это - в интересах дела. Но лично я - как бы ни играли эти преступные убийцы чужими головами - ни на секунду не сомневаясь в полнейшей непричастности Н.И.Бухарина к троцкистско-зиновьевскому террористическому центру или к каким-либо другим террористическим бандам и бандочкам, равно как и какому бы то ни было стремлению после того как он признал свои ошибки и прекратил борьбу с партией и ее руководством в качестве правого уклониста к смене существующего руководства, возглавляемого Вами. Не может он и сам, по совести, претендовать на участие в руководстве после всех тех громаднейших теоретических, программных и

тактических ошибок (из которых прямым преступлением было посещение Каменева в 1928 г.) и после того, как намечавшаяся империя потерпела полнейший крах в один из самых серьезных переломов в истории партии и диктатуры пролетариата. Знаю и его теперешнее прекраснейшее отношение к Вам.

Поэтому центр тяжести своего письма я полагала в другом: в сообщении виденного мною на похоронах С.М.Кирова.

С коммунистическим приветом,
преданная Вам, как единственному великому
восприемнику Ленина, приведшему страну к
грандиозным победам, и тому, кто поведет ее
и международный пролетариат к последним бит-
вам с капиталистическим миром и о сохранности
кого должен думать каждый

Н.М.ЛУКИНА (БУХАРИНА).

23.УШ.36 г.